

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ БОЗЕНГЕН — ПАМЯТНИК НУРТАЙСКОГО ТИПА

В. В. Евдокимов, А. А. Ткачев, Н. А. Ткачева

The article represents materials on the burial ground of Bozengen — the most spectacular site of the Nurtajsky culture in the Central Kazakhstan. The site's period of existence corresponds to the Novokumaksky chronological stratum. The burial ground includes 25 constructions of the Bronze Age of which investigated being 14 objects. A funeral rite is distinguished by burying in stone boxes and earth pits, according to a rite of inhumation and, as an exception, of cremation. Non-stable elements of the burial rite, availability of pottery with sharp-edged shaping and a sticked on ridge, as well as an original set of items make it possible to date it by the early stage in formation and development of sites of the Nurtajsky type.

В 70–80-е гг. XX в. в степных районах Сары-Арки активно исследуются древности эпохи бронзы. В это время здесь открыты и исследованы десятки разновременных и разнокультурных памятников. На основе новых материалов разработаны схемы исторического развития древнего населения Центрального Казахстана в рамках средней и поздней бронзы [Варфоломеев, 1991; Ткачев, 1991].

Особый интерес представляют комплексы нуртайского типа, развитие и функционирование которых связано со временем новокумакского хронологического горизонта [Ткачев, 1999]. Одним из наиболее ярких погребальных объектов, исследованных в Северной Сары-Арке, является могильник Бозенген, предварительно датированный одним из авторов позднеалакульским временем [Ткачев, 1987, с. 31; 1991, с. 20]. Сравнение материалов могильника Бозенген с нуртайскими комплексами заставляет пересмотреть не только культурную принадлежность данного памятника, но и время функционирования этого уникального погребального объекта.

Могильник Бозенген расположен в 7 км к северо-западу от железнодорожной станции Талдинка Егендыбулакского района Карагандинской области, на ровной площадке между обрывистым берегом левого берега р. Талды и полотном железной дороги Караганда — Карагайлы. Планиграфически на могильном поле выделяются две погребальные группы: северная включает 14 сооружений эпохи бронзы; южная — 11 конструкций эпохи бронзы, 3 каменно-земляных кургана и 3 каменные наброски овальной формы (рис. 1). Расстояние между северной и южной группами около 100 м. Полностью или частично сохранилось 25 погребальных конструкций эпохи бронзы. Особенности расположения погребальных объектов в группах, размеры излучины реки и наличие немногочисленных гранитных плит под обрывом свидетельствуют о том, что за прошедшие тысячелетия полностью разрушено не более двух-трех конструкций эпохи бронзы.

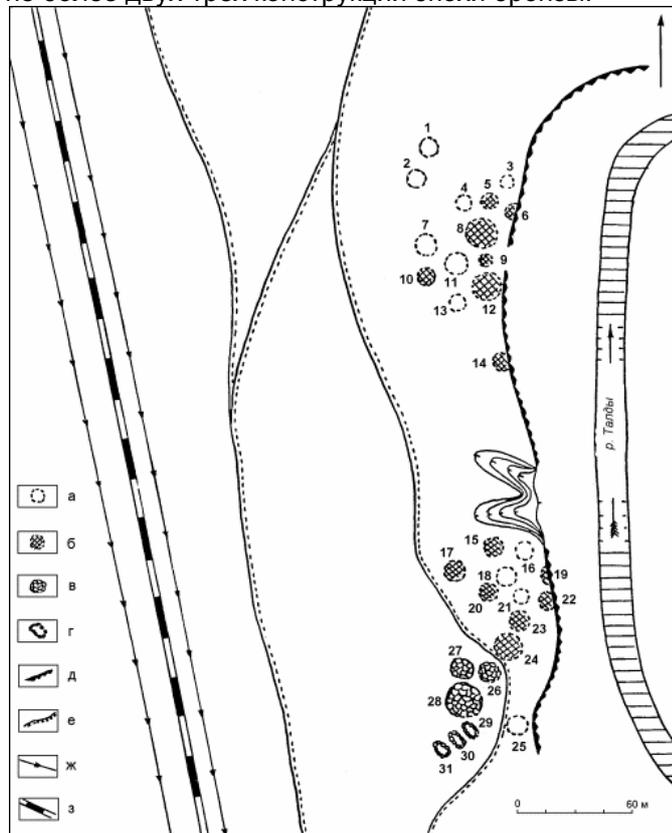

Рис. 1. Могильник Бозенген. План местности.

а - не исследованное сооружение; б - исследованное сооружение; в - курган с каменно-земляной насыпью; г - каменные наброски; д - обрыв; е - проселочная дорога; ж - линия электропередач; з - железная дорога

Основная часть надмогильных сооружений памятника имела сферические насыпи диаметром 6–12 м, высотой от 0,1 до 0,7 м. Они сложены глинисто-песчаным грунтом (светло-серый суглинок), под насыпями прослеживалась погребенная почва — светло-серый слабо гумусированный суглинок. Плиты оград, возвышающиеся над современной дневной поверхностью на 0,1–0,5 м, впущены в канавки, углубленные в материковую глину до 0,25 м при ширине 0,1–0,2 м. Исследовано 14 погребальных конструкций, содержавших каменные ящики и грунтовые ямы, перекрытые в процессе захоронения каменными плитами.

Расположение оград и курганов на погребальной площадке свидетельствует о планиграфической близости северной и южной групп могильника Бозенген. Погребальные сооружения образуют компактные группы. Своеобразной особенностью каждой из них является наличие безнасыпных оград (14 и 25), расположенных в 40 м к юго-юго-востоку от основного массива групп (рис. 1). Главным отличием внутренней планиграфии является местоположение крупных курганов: в северной группе основная конструкция (кург. 8) расположена в центре; в южной — на южной окраине (кург. 24). В северной группе развитие поминального комплекса происходило вокруг основного кургана, остальные сооружения равномерно распределены вокруг него; в южной части памятника большая часть оград расположена севернее основного кургана.

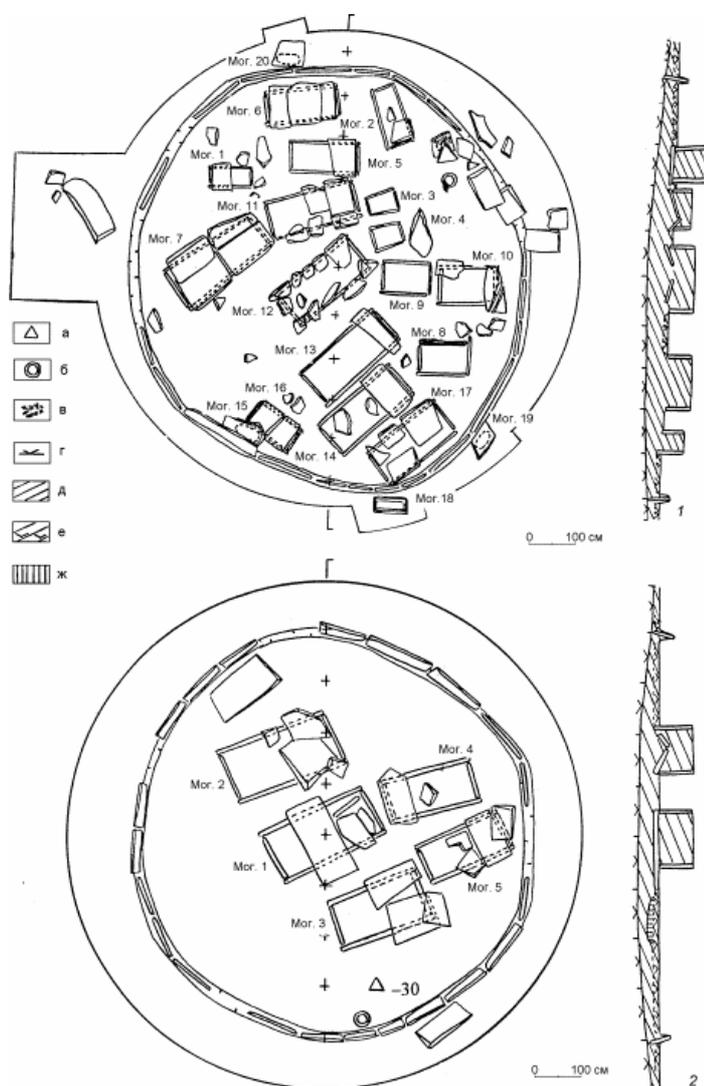

Рис. 2. Могильник Бозенген. Планы и разрезы погребальных конструкций:
1 - курган 24; 2 - курган 12; а - бронзовый нож; б - сосуд; в - кости животных; г - дерн;
д - светло-серый суглинок; е - погребенная почва; ж - выкид

По внешним признакам, принципу сооружения курганов и оград среди изученных погребальных конструкций можно выделить 4 группы:

— в первую группу выделены крупные курганы 8 и 24 с диаметром насыпи 12,5 и 11 м при высоте 0,7 и 0,5 м. Основу погребальных комплексов составляют ограды из вертикально вкопанных гранитных плит диаметром 10,5 и 10 м (рис. 2, 1);

— вторая группа объединяет 4 небольших кургана (12, 15, 17, 20) с насыпями диаметром 5–10 м, высотой 0,1–0,3 м, в которые впущены округлые или овальные ограды диаметром 4,5–8 м; насыпь кургана 17 содержала подквадратную (6×5,5 м) ограду (рис. 2, 2).

— в третью группу включены погребальные сооружения, имеющие овальные насыпи (5, 10, 23; размером 9–11×5–9 м), содержащие ограды с дополнительными пристройками: с северо-западной (кург. 5), юго-восточной (кург. 10) и северо-восточной (кург. 23) сторон (рис. 3, 2).

— в четвертую группу вошли безнасыпные ограды (6, 9, 14, 19, 22), которые, за исключением ограды 22, могли иметь невысокие насыпи, развеянные с течением времени (рис. 3, 1).

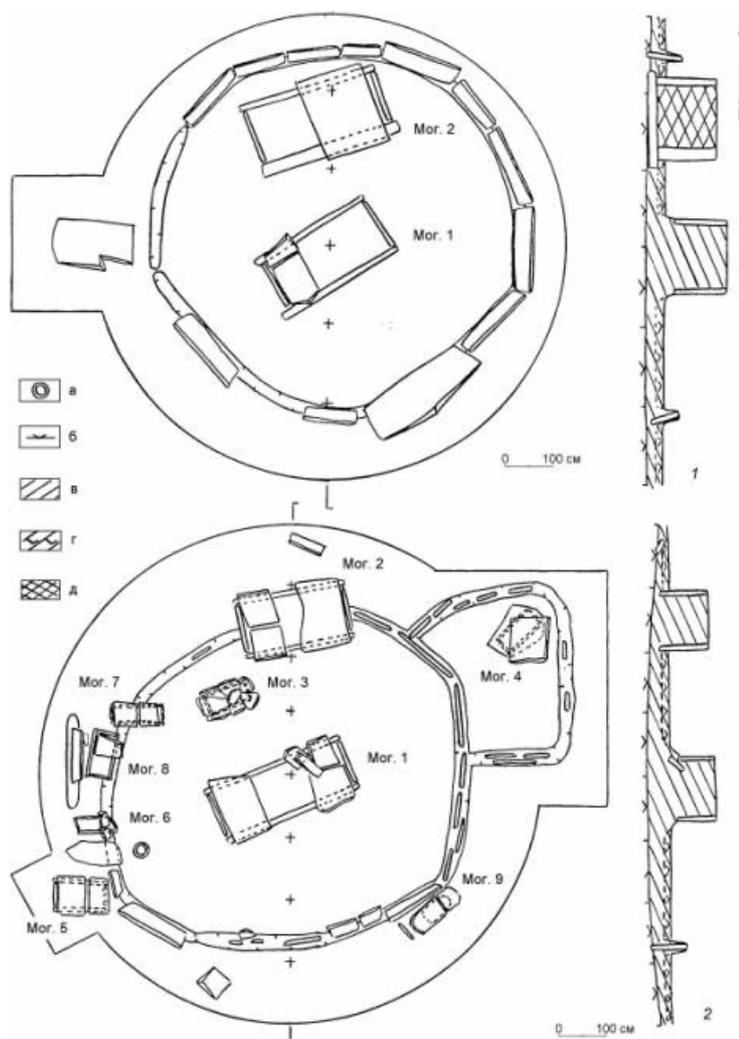

Рис. 3. Могильник Бозенген. Планы и разрезы погребальных конструкций:
1 - ограда 9; 2 - курган 23; а - сосуд; б - дерн; в - светло-серый суглинок;
г - погребенная почва; д - серый песок

Стратиграфия насыпей свидетельствует о первоначальном строительстве оград в предварительно вырытых канавках. Могильные ямы и впущенные в них ящики сооружались на подготовленной погребальной площадке. Основным компонентом при формировании насыпи являлся грунт, вынутый из ямы и аккуратно размещенный внутри огражденной площадки. Ровиков вокруг оград не прослежено. После захоронения грунт равномерно распределялся на всей поверхности внутри ограды. Подсчеты показали, что объем насыпи примерно соответствует объему грунта, вынутого из ямы при сооружении могилы. Это характерно и для крупных оград, содержащих несколько захоронений. В то же время земля приносилась и со стороны: отдельные насыпи могли формироваться из грунта, вынутого из ям тех оград, где насыпи не прослеживались.

Поминальные комплексы выявлены в пяти оградах. Они впущены в насыпи позднее или одновременно процессу захоронения умерших и представляют собой:

— отдельно стоящие сосуды в насыпи ограды (кург. 5, 8, 12, 23, 24), на краю (кург. 8, мог. 8, 9) или на перекрытии могилы (кург. 8, мог. 7);

— сочетание кострища, части туши лошади, сосудов и черепов лошадей на краю могил (кург. 5);

— кости мелкого рогатого скота у плит ограждения (кург. 24) и в заполнении могилы (кург. 12, мог. 4);

— кости мелкого рогатого скота, сопровождающие детей (кург. 23): череп и конечности, лежащие на краю могилы (мог. 8) и в ногах погребенного (мог. 4); лопатка барана в сосуде (мог. 3).

Определенную роль в погребальном обряде играл культ огня. В могиле, содержащей парное захоронение детей, древесными угольками посыпаны не только погребенные, дополнительно угли были насыпаны в один из сосудов (кург. 23, мог. 5). В могилах с захоронениями взрослых в одном случае древесные угольки встречены в заполнении (кург. 17, мог. 4); в другом — угольки сочетались с подсыпкой дна охрой (кург. 5, мог. 2). В ящике, содержащем кенотаф, символом огня, вероятно, являлся кусочек охры (кург. 24, мог. 7).

В исследованных оградах вскрыто 65 могил: в северной группе — 27, в южной — 38. Количество могильных сооружений внутри огражденного пространства значительно варьируется. По одной могиле отмечено в трех оградах, по две — в двух, три могилы — в одной ограде, по четыре-пять — в двух оградах (по одной в каждой группе) (см. рис. 2, 2; 3, 1).

Ограды с пристройками содержат в одном случае по одной могиле (кург. 10); в другом в основной ограде — три, в пристройке — одна (кург. 5). Своеобразна планиграфия кургана 23: основная ограда, кроме пристройки, имеет дополнительную круговую планировку могил. Для их сооружения снимались плиты ограждения, или могилы располагались за пределами оград (см. рис. 3, 2).

Выделяются внутренней планиграфией и основные курганы.

Курган 24 (южная группа) — огражденное пространство заполнено целиком, за исключением небольшого участка в юго-западной части. Исследовано 20 могил: 16 расположены в ограде, 3 — за ее пределами и одна — в насыпи (см. рис. 2, 1). Первыми сооружены крупные каменные ящики (№ 11–14, 17), расположенные параллельно друг другу по линии северо-восток — юго-запад. Длинные стенки ящиков слегка возвышаются над уровнем материка, совпадая с уровнем погребенной почвы. Остальные могилы сооружены позднее: плиты ящиков возвышаются не только над уровнем погребенной почвы, но и над глинистым слоем насыпи, отложившейся в процессе сооружения первых крупных могил. Поздние могильные конструкции содержали захоронения молодых людей, подростков и детей. Могила 7, расположенная в западном секторе ограды, содержала кенотаф. Судя по возвышению плит ящика над уровнем погребенной почвы, это одно из наиболее поздних сооружений. Последнее захоронение кургана, перекрывавшее плиты одного из ящиков, сделано в насыпи (мог. 15). Погребенную женщину связали и «втиснули» в узкую овальную яму.

Курган 8 (северная группа) больше по размерам и высоте, но огражденное пространство заполнено не целиком. В ограде изучено 11 могил, причем четыре из них (мог. 6, 8, 9, 11) впущены в насыпь кургана. Наиболее древними являются захоронения в грунтовой яме (мог. 10), слегка смещенной от центра в юго-западный сектор, и частично сохранившийся ряд из трех могил, вытянутых параллельно друг другу по линии северо-запад — юго-восток (мог. 3–5).

Могилы перекрывались одной-четырьмя плитами, которые в большинстве своем разбиты при ограблении. В оградах и курганах могильника вскрыто 55 каменных ящиков (соответственно 24 в северной и 31 в южной группе), один спаренный ящик (южная группа), 5 грунтовых ям (1/4), 3 могилы имеют одну-три каменные стенки (2/1). Одна яма, из последней группы, имела обкладку из деревянных брусков по периметру дна могилы (кург. 5, мог. 2).

Детские могилы малых размеров (0,55–0,9×0,25–0,5 м), глубиной 0,2–0,4 м. Обычно смещены от центра в один из секторов ограды, сопровождая взрослых (кург. 5, 20, огр. 6); впущены в насыпь (кург. 8) или расположены за пределами ограды (кург. 24).

Своеобразный погребальный комплекс изучен в кургане 23. В центре ограды расположен ящик, содержащий захоронение взрослой женщины, второй — впущен в насыпь; семь детских могил расположены по периметру, в западной и южной части ограды; для одного ребенка сделана пристройка (см. рис. 3, 2).

Могилы подростков и взрослых средних (1–1,6×0,35–0,8 и 1,5–2,25×0,7–1,1 м соответственно) и крупных (2,1–2,35×1,2–1,5 м) размеров, глубиной 0,45–0,9 м.

Могильные сооружения ориентированы преимущественно по линии северо-восток — юго-запад — 43 (20/23) и запад — восток — 13 (2/11), значительно реже — по линии север — юг — 5 (3/2), северо-запад — юго-восток — 4 (2/2). Погребения, как правило, совершены по обряду труположения, одиночные — 52 (23/29) и парные — 5 (2/3). В южной группе, в кургане 24, кроме двух захоронений, совершенных по обряду кремации, изучен один кенотаф. Парные погребения содержали останки мужчин и женщин (кург. 12, мог. 2; кург. 24, мог. 5, 6), женщины и ребенка (кург. 8, мог. 3) и детей (кург. 23, мог. 5).

Позу погребенных удалось установить в 33 случаях: костяки лежали в скорченном положении, на левом — 24 (11/13) и правом боку — 9 (2/7). Во всех случаях на правый бок укладывались женщины, как в парных, так и одиночных захоронениях. Три детских костяка также

находились на правом боку, один из них можно считать погребением девочки: ворот, обшлага и подол платья обшиты пастовыми бусами. В ориентировке костяков преобладают юго-западная и западная стороны горизонта — 16 (9/7) и 11 (1/10) соответственно, значительно реже умершие лежат головами на северо-запад — 3 (1/2) и север — 3 (2/1). Соотношение ориентировки могил и сохранившихся костяков свидетельствует, что 66,1 % погребенных имели юго-западную ориентировку и 19,9 % — западную. Своеобразным усложнением погребального обряда является наличие сохранившейся в ряде случаев на дне могил подстилки из песка или ткани, окрашенной в коричневый цвет. Погребенных сопровождали оружие, орудия труда, украшения и сосуды, от одного до четырех, стоящие обычно в головах, реже — перед лицом или на уровне груди.

Коллекция керамики включает 52 сосуда: в северной группе встречено 27 сосудов, в южной — 25. По морфологическим признакам посуда могильника Бозенген разнообразна: банки — 17 экз.; горшечно-баночные сосуды — 7 экз.; горшки — 28 экз. Выделенные группы неоднородны и по типологическим признакам распадаются на несколько подгрупп.

Основной комплекс представлен посудой средних размеров, 63,4 % имеют диаметр по шейке 14–20 см при толщине стенок 6–8 мм. Венчик округлый, изредка уплощенный или приостренный. Внешняя и внутренняя поверхность большинства сосудов гладкая (84,6–76,9 %), изредка прослеживаются следы затертости каким-то мягким предметом; единично отмечена подлощенность внешней поверхности.

Орнамент нанесен преимущественно резным способом (80,1–93,3 %), значительно реже — гребенчатым штампом (6,7–16,3 %), как исключения встречаются вдавления (1,6–3,6 %). Орнамент распределяется сплошным полем по шейке-тулову и отмечен в придонной части (19,2 %).

Банки составляют 22,3 % коллекции, в северной группе встречено 9 сосудов, в южной — 8, не орнаментировано 6. Основными в комплексе являются плавнoproфилированные банки с открытым или закрытым устьем. В этой группе выделяются небольшие пиаловидные баночки (рис. 4, 18) и банка удлиненно-цилиндрической формы с поддоном, украшенная под венчиком желобком и двумя симметрично расположенными налепными ручками (рис. 4, 6). Орнамент выполнен гладким штампом и резной техникой, за исключением двух сосудов, у которых узор нанесен мелкозубчатым и крупногребенчатым штампом. Узор, нанесенный узкой полосой под венчиком, иногда спускается и в среднюю часть тулова. Среди элементов узора распространены горизонтальные линии, количество которых варьируется от двух-четырех до шести-шестнадцати. Горизонтальные линии дополняются горизонтальным зигзагом, прямыми и наклонными насечками. В одном случае пустоты зигзага заполнены чередованием насечек и округлых вдавлений или треугольниками вершинами вниз. Один из нарядно орнаментированных сосудов украшен сочетанием треугольников, заштрихованной полосы и треугольников с «усиками». В придонной части отмечены горизонтальные линии, сочетающиеся с треугольниками (рис. 4, 10).

Основная часть посуды горшечно-баночных форм украшена по шейке широкорядными желобками (рис. 4, 12). Один из сосудов имеет рельефную деталь в виде поддона и дополнительную орнаментацию по тулову и у дна (рис. 4, 20). Среди переходных форм встречаются сосуды без орнамента и нарядно украшенные мелкогребенчатым штампом (рис. 4, 19).

Посуда горшечных форм является основной и характеризуется значительным разнообразием. Учитывая особенности оформления шейки и плечика, можно выделить четыре подгруппы. Первая подгруппа доминирует в комплексе и включает горшки с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой и ребристым профилем. Вторую образуют горшки с уступчатым плечом. В третью подгруппу объединены сосуды со сглаженным уступ-ребром. Горшки с отогнутой наружу шейкой и плавным профилем представлены единичными экземплярами.

Посуда с ребристым и уступчатым профилем отличается стройными пропорциями — диаметр обычно несколько меньше высоты. Более четверти сосудов (28,6 %) украшены в средней части шейки утолщением в виде треугольного или овального в сечении валика (рис. 4, 1, 17). Самый крупный сосуд имеет по шейке два ряда валиков, образованных широкорядными желобками, заполненными орнаментом (рис. 4, 24). Встречены единичные горшки с дополнительной рельефной деталью в виде поддона.

Емкости, объединенные в подгруппу горшков с плавным профилем, не образуют внутреннего единства. Каждый сосуд отличается специфическими чертами: у одного зоны орнаментации по шейке и тулову отделены узким желобком; у второго при высокой шейке округлость тулова «спущена» в среднюю часть (рис. 4, 8); третий имеет короткую отогнутую наружу шейку, переходящую в хорошо выделенное округлое тулово (рис. 4, 15).

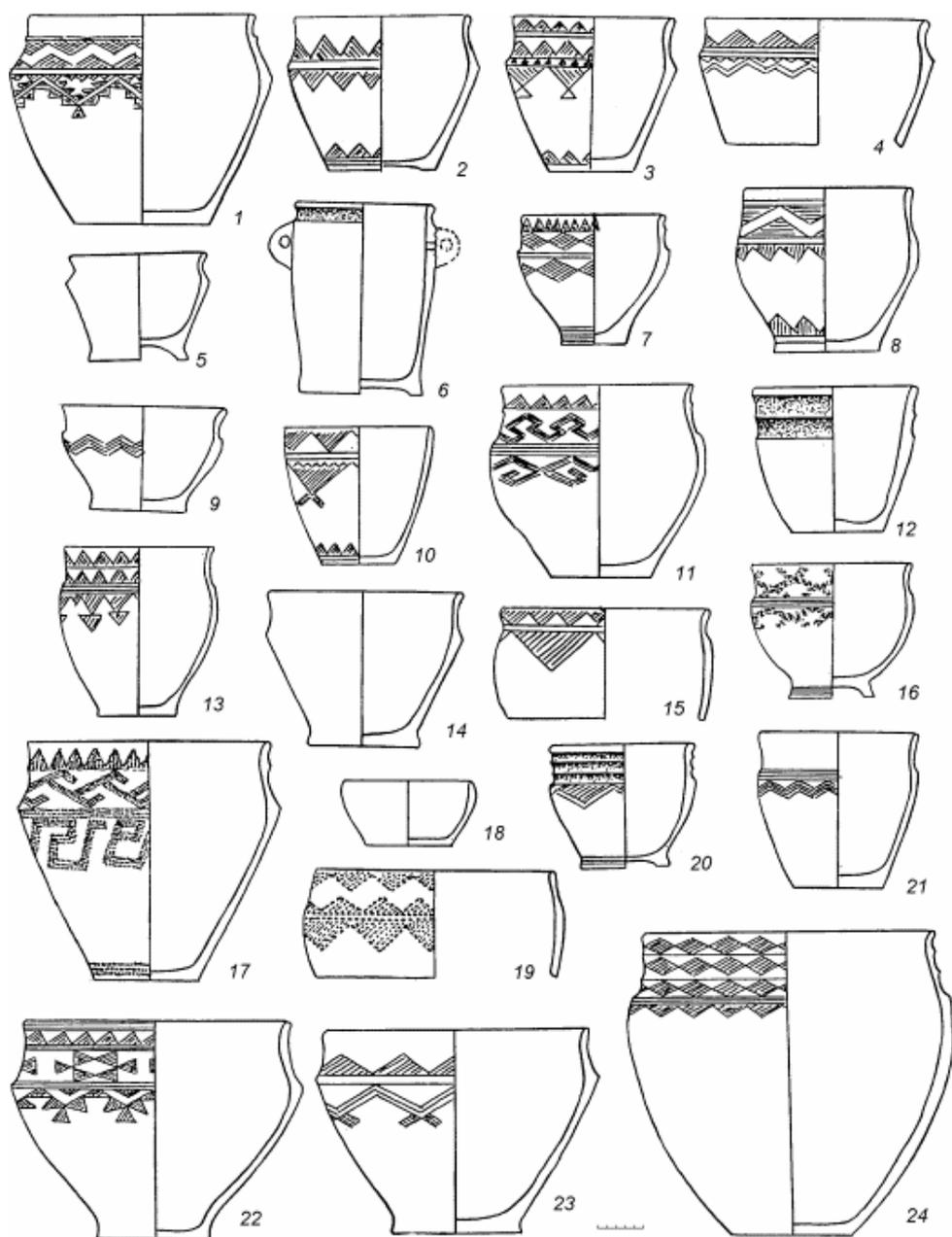

Рис. 4. Могильник Бозенген. Керамика:

1 - кург. 24, жертв.; 2 - кург. 23, мог. 7; 3, 5, 14 - кург. 23, мог. 5; 4 - кург. 8, мог. 2; 6 - кург. 6, мог. 1; 7 - кург. 5а, мог. 3; 8 - кург. 23, мог. 4; 9 - кург. 20, мог. 3; 10 - кург. 5а, жертв. 1; 11, 15, 16 - кург. 24, мог. 7; 12 - кург. 24, мог. 3; 13, 21 - кург. 24, мог. 6; 17 - кург. 5а, мог. 1; 18 - кург. 23, мог. 3; 19 - кург. 12, мог. 5; 20 - кург. 8, мог. 11; 22 - кург. 8, мог. 7; 23 - кург. 8, мог. 5; 24 - огр. 9, мог. 2

Большинство сосудов горшечных форм орнаментированы по довольно простой схеме. Наиболее богато украшены сосуды с валиком, разделяющим зону орнаментации шейки на две подзоны. Верхняя украшена разнообразными треугольниками, ромбами, пирамидками, зигзагами (рис. 4, 3, 7, 17); в основании отмечен меандр, ромбы, пирамидки и взаимопроникающие треугольники (рис. 4, 1, 7, 11, 17). Один из сосудов этой группы орнаментирован по шейке и тулову чередованием ступенчатых пирамидок. Сосуды без валика украшены просто: обычно они имеют только одну сплошную зону в виде одиночных или взаимопроникающих треугольников, зигзагов (рис. 4, 4, 23). При отсутствии валика подзоны орнаментации шейки выделены горизонтальными линиями (рис. 4, 3, 13, 22). Один из таких сосудов украшен своеобразным элементом — восьмиугольной звездой из треугольников (см. рис. 4, 22). Серия сосудов с ребристым или близким к таковому профилям не орнаментированы вообще или имеют не орнаментированную шейку (рис. 4, 5, 9, 14, 21).

Захоронения могильника, несмотря на ограбление, содержали богатый и разнообразный вещевой инвентарь. Оружие представлено бронзовым вислобушным топором (рис. 5, 24), бронзовыми ножами (рис. 5, 17–19, 22), бронзовыми (рис. 5, 13–16) и костяными наконечниками стрел.

Орудия труда единичны — тесло (рис. 5, 23) и шило (рис. 5, 20). Среди орудий труда выделяется бронзовая печать-клеймо с частично сохранившейся деревянной ручкой (рис. 5, 7).

Преобладают украшения из бронзы: браслеты, перстни с S-образными щитками (рис. 5, 4); височные трубчатые подвески (рис. 5, 8, 9); листовидные подвески; пронизы; бляшки; подвески в полтора оборота, большинство из которых обтянуты золотой фольгой (рис. 5, 5), бронзовые бусы. Костяных изделий немного: пряжка из выпукло-вогнутой округлой пластины с центральным отверстием в виде четырехугольной звезды (рис. 5, 2); колечко с вогнутой внешней поверхностью (рис. 5, 11); наперстки с округлыми головками (рис. 5, 10, 12); подвески из клыков хищников. Своеобразны брусковидные подвески, вырезанные из серого камня (рис. 5, 6). Довольно часто встречаются подвески из раковин. Многочисленную категорию украшений составляют изделия из белой и голубой пасты: ребристые двух- и трехсоставные пронизы и бусы.

Среди всего комплекса особо выделяются сложносоставные украшения, которые удалось реконструировать.

В могиле 3 кургана 8 изучен отпечаток нагрудного украшения. На треугольную кожаную пластину размером 17×13 см по периметру были нашиты пастовые бусы. В центре помещена бляшка диаметром 3,7 см, украшенная солярной символикой, обрамленная сверху двумя крупными бронзовыми пронизями, одна из них украшена вертикальными линиями, другая — зигзагом. С боков бляшка обрамлена двумя подвесками из клыков животных. Данное украшение можно интерпретировать как лик солнечного божества, выполненный в плоскостной манере (рис. 5, 3).

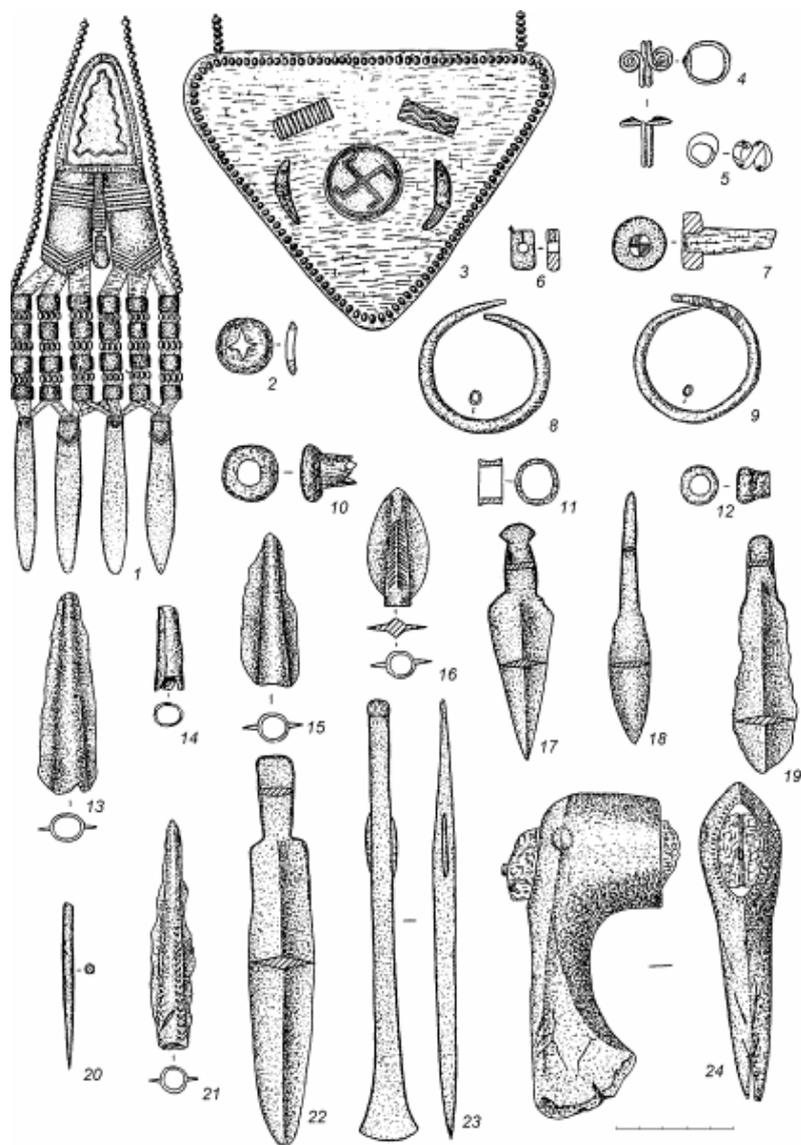

Рис. 5. Могильник Бозенген. Вещевой инвентарь:

- 1 — огр. 9, мог. 2; 2, 3, 12 — кург. 8, мог. 3; 4 — кург. 24, мог. 3; 5 — кург. 23, мог. 2;
 6 — кург. 8, мог. 10; 7 — кург. 24, мог. 12; 8, 9 — кург. 20, мог. 2; 10 — кург. 24, мог. 8;
 11 — кург. 20, мог. 1; 13–15 — кург. 5а, мог. 2; 16, 21, 23, 24 — кург. 5б, мог.; 17 — кург. 5а, насыпь;
 18 — кург. 12, насыпь; 19 — кург. 8, насыпь; 20 — кург. 12, мог. 2; 22 — кург. 24, мог. 8
 (1, 3 — бронза, паста, кожа; 2, 10–12 — кость; 4, 8, 9, 13–24 — бронза; 5 — бронза-золото;
 6 — камень; 7 — бронза-дерево)

В могиле 2 кургана 9 обнаружена сложносоставная наконечная подвеска. Общая длина наконечника 25 см. Основу изделия составляла система кожаных ремешков с закрепленными на них бронзовыми и пастовыми предметами. Кожаный ремешок разделен на три части, на крайних закреплены две крупные трубчатые орнаментированные пронизы. Между ними помещены две небольшие ребристые пронизки, к концу ремешка подвешена лапчатая пронизка. Сверху трубчатые пронизы перекрыты треугольной пластиной (5,8×4,1 см), имевшей три пары отверстий для крепления и орнаментированной замкнутым зигзагом, одиночной линией и точечным узором. Ниже трубчатых пронизей каждый из ремешков разделен на три низки, к которым крепились четыре обоймы, по шесть штук в ряду. Между обоймами на кожаную основу пришито по четыре пастовые бусины. К ремешкам ниже обойм крепились четыре листовидные подвески, две из которых украшены треугольными орнаментированными накладками с загнутыми вовнутрь концами. Подвеска вплеталась в косу, обрамлявшуюся двумя рядами пастовых бус (рис. 5, 1)^[1].

Не вдаваясь в подробный сравнительный анализ, можно констатировать, что керамический комплекс, вещевой инвентарь и основные показатели элементов погребального обряда могильника Бозенген имеют прямые аналогии в древностях нуртайского типа [Ткачев, 1999]. В то же время вещевой материал, имеющий яркие индивидуальные и специфические черты, позволяет не только определить время функционирования могильника, но и предварительно наметить внутреннюю хронологию нуртайских культурных комплексов.

Ножи, обнаруженные в захоронениях могильника Бозенген, близки ямно-афанасьевским и катакомбным изделиям. Один нож, при общей близости форм клинка и насада рукояти к ямно-афанасьевским прототипам [Евдокимов, Ломан, 1989, рис. 6, 5], имеет небольшие уступки-упоры при переходе рукояти в уплощенное лезвие (см. рис. 5, 18); второй нож, имея небольшой треугольный клинок с округлыми плечиками, отличается от энеолитических форм ромбическим сечением клинка и выпукло-уплощенной рукоятью, заканчивающейся грибовидным навершием (см. рис. 5, 17).

Ножи с намечающимся перекрестьем широко представлены в памятниках Центрального Казахстана. Наиболее ранними в этой группе являются ножи с пластинчатым, реже — ромбическим сечением клинка, с закругленной пяткой черенка, слабо намеченным округлым перекрестьем и едва выделенным перехватом, с параллельными гранями клинка, плавно переходящими к округлому концу. Данная форма ножей связана с керамикой нуртайского типа [Ткачев, 1987, рис. 1, 8, 9; 1999, рис. 4, 23–25]. По своим особенностям один из ножей подобного облика из могильника Бозенген (см. рис. 5, 19) имеет катакомбный облик [Черныкх, 1992, fig. 44, 45]. Их появление в Зауральских степях связано с формированием комплексов новокумакского хронологического горизонта [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 35–36]. Второй нож, с выделенной рукоятью и двулезвийным ромбическим клинком (см. рис. 5, 22), имеет определенное сходство с раннесрубными и позднекатакомбными ножами Поволжья [Черныкх, 1992, fig. 69, 70]. По оформлению рукояти и перехвата он близок ножу из могильника Былкылдак I [Маргулан, 1970, с. 194, рис. 20, 6]. Своеобразие данных ножей позволяет считать их особой центрально-казахстанской формой, возникшей в результате самостоятельного развития местной металлургии или под западным катакомбным влиянием.

Вислообушный топор (см. рис. 5, 24) аналогичен топорам, встречающимся в Приуралье, Зауралье и Западной Сибири. По классификации Е. Н. Черныха, он относится к топорам с узким лезвием и тонким обухом (южноуральский тип по В. Г. Тихонову). Аналогичный по форме топор происходит с поселения Кулевчи III [Виноградов, 1982, с. 97, рис. 3, 1]. Появление подобных топоров В. Г. Тихонов относит к середине II тыс. до н. э. [1960, с. 63, табл. III, 6, 7]; Е. Н. Черных датирует их третьей четвертью II тыс. до н. э. [1970, с. 56, табл. Г, рис. 50, 3, 6, 9]. По мнению Н. А. Аванесовой, подобные топоры появляются в XVI в. до н. э. в раннеалакульских комплексах и «доживают» до XIV в. до н. э. [1979, с. 9; 1978, с. 25]. Находки данного типа изделий в синташтинских и абашевских погребальных памятниках позволяют удревить время их появления до начала II тыс. до н. э. [Дегтярева и др., 2001, с. 24, 51, рис. 2, 1]. О местном происхождении и производстве топоров в степях Центрального Казахстана косвенно свидетельствуют обломки глиняной литейной формы для отливки топора, обнаруженные в заполнении одного из нуринских жилищ на поселении Икпень I.

Листовидные наконечники стрел со скрытой втулкой и двусторонними округлыми нервюрами по перу (рис. 5, 13, 15, 21) близки по форме и размерам наконечникам, найденным на территории Центрального Казахстана в могильнике Шет I [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 59, 1–6]. Наконечники из могильника Бозенген и Шет I относятся к самым крупным из обнаруженных в степной зоне Евразии. Их можно сопоставить только с ланцетовидным наконечником с длинной втулкой из атасуского могильника Айшрак [Маргулан и др., 1966, с. 270, табл. LIV, 6]. Бытование последнего изделия Н. А. Аванесова датировала XVI–XIV вв. до н. э. [1975а, с. 34, табл. 2]. Находка данного типа наконечников с остросереберной нуртайской посудой позволяет считать их одной из наиболее ранних форм, появившихся в степях в первой половине II тыс. до н. э.

Отсутствие крупных наконечников стрел и дротиков со скрытой втулкой в других регионах пространства андроновских древностей позволяет считать это оружие типичным для нуртайской

и раннеатасуской группы памятников Центрального Казахстана, что свидетельствует о самостоятельном развитии местных культурных традиций.

Большинство листовидных наконечников с короткой втулкой и двусторонними нервюрами по перу, аналогичных бозенгенскому (см. рис. 5, 16), происходят из могильников Центрального Казахстана: Нуртай [Ткачев, 1987, рис. 1, 6], Айшрак [Маргулан и др., 1966, с. 94–95, табл. LIV, 3] и Жаман-Узен II [Аванесова, 1975б, с. 111, рис. 2, 1]. Близкий по форме наконечник обнаружен в северной части Сары-Арки на ранненурунском поселении Карагайыр [Ткачев, 1998, с. 90, рис. 1, 1]; в Восточном Казахстане близкий по форме наконечник найден на поселении Канай [Черников, 1960, с. 30, табл. XIV, 25]. Н. А. Аванесова относит подобные наконечники к типу лавролистных и считает их ведущей формой стрел эпохи бронзы [1975а, с. 33]. Сопоставляя центрально-казахстанские находки с наконечником с поселения Петровка II, она выделяет их в предалакульский хронологический горизонт, датируемый XVII–XVI вв. до н. э. [Аванесова, 1979, с. 23].

Нервюра бозенгенского наконечника стрелы орнаментирована насечками, образующими узор в виде «елочки». Традиция орнаментирования нервюры наконечника, появившаяся в комплексах синташтинско-петровского круга [Генинг и др., 1992, с. 302, рис. 171, 3], продолжает бытовать на протяжении всей андроновской эпохи. Так, на территории Восточного Казахстана орнаментация нервюры отмечена в позднеканайских могильниках Зевакино [Членова, 1983, с. 30, рис. 4, 5] и Меновное IX [Ткачев, Ткачева, 1999, с. 139, рис. 2, 8; Винокурова, Лысенко, 2000, с. 137, рис. 1, 10]; в Верхнем Приобье — на Первомайском и Новенском поселениях [Матющенко, 1973, с. 16, рис. 3, 7, 9].

С могильника Бозенген происходит стержневидное тесло с упорами и расширенным овальным лезвием (см. рис. 5, 23). Прямых аналогий данному изделию не известно, но определенное сходство прослеживается с бронзовым стержневидным теслом с поселения Кулевчи III [Виноградов, 1982, с. 97, рис. 3, 6; Дегтярева и др., 2001, с. 27–28, рис. 3, 1]. Возможно, прототипом данного вида орудий послужили тесла с цапфами, известные на территории Зауралья в единичных экземплярах. Сближает тесло с упорами и тесла с цапфами оформление рабочего края [Черных, 1970, рис. 52, 15, 16]. Последние Е. Н. Черных датировал концом сейминского — началом предананьинского хронологического горизонта в пределах XII–XI вв. до н. э. [Там же, с. 62, 103, табл. Г]. Находка тесла с цапфами в закрытом ямно-полтавкинском комплексе позволяет связать появление данного типа орудий с ямно-полтавкинским металлургическим очагом Циркумпонтийской металлургической провинции, функционирующим в рамках III тыс. до н. э. [Моргунова, Турецкий, 1998, с. 7, рис. 6, 2].

Определенный интерес при датировании могильника Бозенген представляет находка сложно-составного наконечника (см. рис. 5, 1). В Зауралье подобное украшение встречено в могильнике Синташта [Генинг и др., 1992, рис. 99], в Северном Казахстане — в могильниках Бестамак и Токанай [Усманова, Логвин, 1998, рис. 15, 1; 16, 2], в Центральном Казахстане — в могильнике Сатан [Там же, с. 17–19]. Можно констатировать, что данный тип женского украшения является характерным для синташтинских, петровских и нуртайских памятников Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, продолжая бытовать какое-то время и в комплексах алакульского типа, о чем свидетельствует находка наконечника в могильнике Лисаковский [Там же, рис. 15, 2], а также отдельных деталей подобных изделий в могильнике Майтан (Центральный Казахстан) и Учебный Полигон (Западный Казахстан) [Родионов, Ткачев, 1996, с. 85, рис. 5, 4–6].

Материалы, полученные при изучении могильника Бозенген, свидетельствуют о еще не устоявшихся культурных традициях, не только в сфере погребальной обрядности, но и в основных элементах материальной культуры. В керамическом комплексе отсутствуют данные о наличии контактов населения, оставившего могильник Бозенген, с носителями андроновско-канайских традиций, к тому же он выглядит архаичнее по сравнению с другими памятниками нуртайского типа. Об этом свидетельствует и серия металлических изделий — тесло, ножи, наконечники стрел. Проникновение первых андроновско-канайских групп в степи Центрального Казахстана с территории Верхнего Прииртышья начинается не ранее XVII в. до н. э. [Ткачева, 1997, с. 16–17]. Отсутствие андроновско-канайского влияния и архаичность вещевого инвентаря говорит о формировании комплексов могильника Бозенген в период, предшествующий проникновению восточно-казахстанского населения в степи Сары-Арки, вероятно, в первой трети II тыс. до н. э., что позволяет выделить ранние и поздние памятники нуртайского типа.

Литература

- Аванесова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // *Материалы по истории и археологии Узбекистана*. Самарканд: Самарканд. ун-т, 1975а. С. 27–60.
- Аванесова Н. А. Жаман-Узен II — атасуский могильник Центрального Казахстана // *КСИА*. 1975б. Вып. 142. С. 109–115.
- Аванесова Н. А. К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива // *Труды СамГУ*. 1978. Вып. 348. С. 21–62.
- Аванесова Н. А. Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ленингр. ун-т, 1979. 26 с.
- Варфоломеев В. В. Сары-Арка в конце бронзово-эпохи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1991. 21 с.

Виноградов Н. Б. Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 94–99.

Винокурова Е. И., Лысенко Ю. А. Охранные раскопки погребального комплекса около города Усть-Каменогорска // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Алт. ун-т, 2000. Вып. 11. С. 134–138.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Деятарева А. Д., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // ВААЭ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 23–54.

Евдокимов В. В., Ломан В. Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской степи // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1989. С. 34–46.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алматы: Гылым, 1992. 247 с.

Маргулан А. Х. Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 164–199.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казах-стана. Алма-Ата: Наука, 1966. 453 с.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3. // ИИС. 1973. Вып. 11. 196 с.

Моргунова Н. Л., Турецкий М. А. Курганная группа у хут. Барышкина // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: «Ди-мур», 1998. Вып. 2. С. 3–16.

Родионов В. В., Ткачев В. В. Новые погребальные памятники эпохи бронзы в Актюбинском Приуралье // Вопросы археологии За-падного Казахстана. Самара: «Диалог», 1996. С. 83–108.

Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.

Тихонов В. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Поволжье // МИА. 1960. № 90. С. 5–115.

Ткачев А. А. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Караганд. ун-т, 1987. С. 25–35.

Ткачев А. А. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1991. 26 с.

Ткачев А. А. Археологическая разведка на р. Шидерты // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Алт. ун-т, 1998. Вып. 9. С. 88–91.

Ткачев А. А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // ВААЭ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 22–29.

Ткачев А. А., Ткачева Н. А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Там же. 136–145.

Ткачева Н. А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алт. ун-т, 1997. 19 с.

Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские наконечники Казахстана (эпоха бронзы). Лисаковск, 1998. 64 с.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. 272 с.

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с.

Членова Н. Л. Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т, 1983. С. 22–34.

Chernykh E. N. Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.

Тюмень, ИПОС СО РАН

[1] Реконструкция наконечника из могильника Бозенген, проведенная Э. Р. Усмановой, в некоторых деталях не соответствует действительности [Усманова, Логвин, 1998, с. 19–20, рис. 16, 1]. В данном случае описывается и графически воспроизводится наконечник подвески на основе авторской прорисовки изделия, сделанной в «поле» при исследовании памятника.